

Они всегда среди живых – герои, витязи, борцы,
Кто справедливость утверждал, чья кровь – на пламенных знаменах,
Чья жизнь прекрасна и чиста, как гор заоблачных венцы,
Кого народная молва почтила гордым званьем – конах!

Мы тост в их честь провозгласим и роги, полные вина,
Осушим в память храбрецов, в трудах и битвах непреклонных.
Что значит конах, ты спросил, и какова ему цена?
Народа стойкость, верность, ум и славу воплощает конах! [5].

Ахмад Сулейманов – реалистический романтик, стремящийся к возвышенному идеалу. Его поэзии характерна удивительная органическая слитность яркого содержания с изящностью формы. Изюминкой содержания является красота и общечеловеческий характер обычаев. Воспевая амазонство чеченской женщины, рыцарское поведение мужчин, поэт изображает гордых, благородных людей, для которых превыше всего – человек и свобода.

Во многом популярность А. Сулейманова объясняется национальной проблематикой его творчества и созданных им глубоко национальных характеров. Отображённый поэтом мир мало отличается от мира реального, но это глубокое обобщение чеченской действительности делает его поэзию близкой каждому человеку.

Список литературы

1. Кусаев А. Писатели Чечни / А. Кусаев. – Грозный, 2010. – Книга III. – С. 155.
2. Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев / М. Д. Заурбеков. – Москва, 2005. – С. 41.
3. Яндарбиев Х. Преступление века / Х. Яндарбиев. – Грозный, 1992. – С. 41.
4. Сулейманов А. Симфония гор / А. Сулейманов. – Грозный, 1997. – С. 7.
5. Сулейманов А. Конах / А. Сулейманов // Вестник Лам. – 2001. – № 4 (8).

References

1. Kusaev A. Pisateli Chechni. Groznyj, 2010. Book III. P. 155.
2. Zaurbekov M. D. Shejh Ali Mitaev. Moscow, 2005. P. 41.
3. YAndarbiev H. Prestuplenie veka. Groznyj, 1992. P. 41.
4. Sulejmanov A. Simfoniya gor. Groznyj, 1997. P. 7.
5. Sulejmanov A. Konah // Vestnik Lam, 2001, № 4 (8).

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМУЛАХ С КОМПОНЕНТОМ «СЕРДЦЕ»

Киндеркнехт Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, e-mail: a_kinderknecht@mail.ru.

В статье рассматриваются поэтические формулы с компонентом «сердце», в которых образ птицы сопоставляется и сближается с миром человеческих переживаний, мыслей и чувств. На материале произведений авторов начала XX века выявляются константы традиции русского народа.

Ключевые слова: птица, сердце, поэзия, формула, начало XX века, образ, символ, традиционный

THE IMAGE OF BIRD IN THE POETIC FORMULAE
WITH THE «HEART» COMPONENT

Kinderknecht Anna S., Candidate of Philological Sciences, Perm National Research Polytechnic University, 614000, Russia, Perm, 29 Komsomolsky prospect, e-mail: a_kinderknecht@mail.ru.

The poetic formulae with the «heart» component are examined in the article. In the former, the *bird* image is compared and approximated to the world of human emotions, thoughts and feelings. The Russian people tradition constants are revealed in the works by the authors of the beginning of the 20th century.

Keywords: bird, heart, poetry, formulae, the beginning of the 20th century, image, symbol, traditional

Константы народной традиции воплощаются в языковых элементах, постоянно воспроизводимых и тем самым постоянно реконструирующих народную культуру в словесном творчестве. В филологических исследованиях для обозначения стереотипных языковых элементов, отражающих устойчивые элементы традиции, используется термин «формула», диапазон интерпретации которого довольно широк: от понимания формул как регулярно повторяющихся разнотипных элементов народной традиции, в которых закрепляются и отливаются в определённую форму жизнь и мировоззрение народа (в работах А.Н. Веселовского [5], А.А. Потебни [22], А.Б. Лорда [16], В.Я. Проппа [23], Г.И. Мальцева [17], А.Т. Хроленко [27], Н. Рошияну [24], Г.А. Левинтона [15], В.М. Гацака [6], О.А. Смирницкой [25], И.И. Земцовского [10] и др.), до понимания формулы как способа индивидуального образного мышления о мире в категориях, выработанных коллективной поэтической практикой, у Н.А. Кузьминой [14] и как парадигмы образов, реализующей семантические универсалии, в работе Н.В. Павлович [21].

Рассматривая формулу через призму современных научных категорий, мы предлагаем понимать её в культурно-ментальном аспекте как сближение концептов, в аспекте же языковой материи формула – это комбинация языковых знаков, репрезентирующих сближаемые концепты (подробнее изложение этих идей представлено в работе [12]). Думается, что, анализируя понятийные константы-сближения, функционирующие в устном народном творчестве и литературе, мы можем изучать образные представления народа и судить об особенностях этнического видения мира.

Тема настоящей статьи – образ птицы в поэтических формулах сравнения сердца и птицы. Материалом исследования послужили произведения поэтов начала XX века.

Сердце как символ человеческих переживаний, мыслей, чувств традиционно сближается с образом птицы. Сравнение сердца и птицы является характерным для поэзии, которую аргюи относят к миру чувств человека. Семантические сближения, отражающие взаимосвязь концептов СЕРДЦЕ и ПТИЦА, являются частотными в поэтическом языке. Для подобных ассоциаций характерно то, что они распространены не только в устной народной, но и в индивидуальной авторской поэзии, что свидетельствует о единстве фольклорного фонда фольклора и литературы.

Упоминания той или иной птицы в формулах со словом «сердце» в поэзии начала XX века чаще всего единичны и, как правило, не повторяются. У А. Блока встречаем *чую сердце твое лебединое* [3, с. 250], у И. Бунина – *тверже стали, орлиного когтя безнадежное сердце...* [4, с. 307], у Н. Гумилёва – *раненый в сердце шипом соловей* и *чайкою в сердце ты мне влетела* [8, с. 334, 185], у М. Цветаевой – *на сердце вороном налетев* и *в сердце – ласточки* [28, с. 75, 382], у М. Кузмина – *сердце со стрелой и го-*

лубки [13, с. 254], у А. Белого – *(сердце) дикий вырванный стриж, ты, сердце, – неумолчный стриж...* [1, с. 390, 396, 464], у Вяч. Иванова – *с сердцем, бьющимся, как сокол во плену* [11, с. 164], у В. Хлебникова – *сердце сокола* [26, с. 208].

Здесь видим непосредственное уподобление сердца птице, маркирующее единение человека с природой: сочетание с эпитетом, содержащим название птицы, – «чую сердце твое лебединое», «сердце сокола»; уподобление, подразумевающее отождествление сердца с птицей – «(сердце) дикий вырванный стриж»; сравнение, затрагивающее свойство биения сердца – «с сердцем, бьющимся, как сокол во плену»; определение-уподобление, выраженное в виде обращения – «ты, сердце, – неумолчный стриж...».

Встречается и опосредованное употребление названия птицы для характеристики состояния человека. В формуле *тверже стали, орлиного когтя безнадежное сердце* (И. Бунин, «Напутствие») наблюдаем распространение общезыковой метафоры «твёрдое сердце», эксплицирующей значение жестокости. В контексте стихотворения жестокость – это непреклонность матери, отправляющей сына на верную смерть («Там шалаш, в шалаше – прокаженный...», «Склонись – / До земли и рукой обнаженной / Гнойной язвы коснись», «...Склонись – / И рукой, обнаженной до локтя / Смертной язвы коснись» [4, с. 307]). Значение жестокости усиливается сравнением сердца со сталью (стальной – жестокий, непоколебимый, холодный, недружелюбный) и с когтем орла, атрибутом хищника.

Формула *раненый в сердце шипом соловей* – часть развёрнутого сравнения в стихотворении Н. Гумилёва о неразделённой любви:

Я песни слагаю во славу твою

Затем, что тебя я безумно люблю,

Затем, что меня ты не любишь.

Я вечно страдаю и вечно грущу,

Но, друг мой прекрасный, тебя я прощу

За то, что меня ты погубишь.

Так раненый в сердце шипом соловей

О розе-убийце поет все нежней

И плачет в тоске безнадежной,

А роза, склонясь меж зеленой листвы,

Смеется над скорбью его, как и ты,

О друг мой, прекрасный и нежный [8, с. 334].

Здесь мы видим реконструкцию традиционного бинорма СЕРДЦЕ – РОЗА.

Идею любви наблюдаем в формуле *сердце со стрелой и голубки* в стихотворении М. Кузмина «Письмо любви! о пальцы женских рук...» [13, с. 254].

Формулы *в сердце – ласточки* (М. Цветаева), *чайкою в сердце ты мне влетела* (Н. Гумилёв), *на сердце вороном налетев* (М. Цветаева) передают состояние, в котором пребывает человек (с помощью обозначения местонахождения птицы), и чувства, наступающие и охватывающие человека. В формуле *на сердце вороном налетев* эксплицируется к тому же значение агрессивности чувства: налететь – напасть, атаковать (сравните «ястреб налетел на цыплёнка»).

Родовые характеристики птицы – идея полёта, птичьего пения, оперение птицы, наличие крыльев – с древних времён находили аналогии в жизни человека, который когда-то умел летать, как птица, и служили раскрытию внутреннего мира человека в мифопоэтическом аспекте. Эти свойства птицы по большей части универсальны для разных народов, чего нельзя сказать о ви-

довом обозначении птиц. В представлении разных народов за каждой птицей закреплены определённые функции, которые не всегда имеют универсальный характер.

Употребление названия птицы напрямую связано с символическими представлениями, которые несёт с собой указанная птица, например: соловей – певец любви; голубки – влюблённые (у М. Кузмина в стихотворении о любовном письме, где голубки – картинка рядом с изображением сердца, пронзённого стрелой); сокол – символ свободы, воли, на Руси сокол – традиционное название молодца, жениха; орёл – гордый, сильный, смелый человек, но здесь прежде всего – хищник (сравните орлиный коготь и сердце матери, сознательно отправляющей сына на смерть в стихотворении И. Бунина); ласточки – вестник добра, счастья, начала (у М. Цветаевой эта формула передаёт состояние мужчины, у которого родился сын); ворон символически связан с царством мёртвых и со смертью, выступает вестником зла [20]; лебедь – символ чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии, лебедь часто выступает как символ поэта, певца (см., к примеру, «Царскосельский лебедь» В. Жуковского); стриж – небольшая птица, отличающаяся стремительностью полёта (сравните «носиться по-стрижиному», т.е. очень быстро, стремительно), в формуле «(сердце) дикий вырванный стриж» выражается и частое сердцебиение, и пушкинское «чувствовать спешит». Чайка – вполне безобидная птица – несёт родовое значение птицы, не связанное с самим названием и в равной степени присущее многим птицам, имеющим отношение к символике сердца: влюблённость, любовное стремление:

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных.
Как колосья созревшей нивы,
Клонятся головы непреклонных.

Запеваает араб в пустыне –
«Душу мне вырвали из тела».
Стонет грек над пучиной синей –
«Чайкою в сердце ты мне влетела» (Н. Гумилёв [8, с. 185]).

Обращает на себя внимание употребление в формулах названий птиц, которые символически связаны с возрождением и обновлением. К таким птицам мы относим мифического Феникса и сказочную Жар-птицу: *гори ж, истлей на самозданном, о сердце-Феникс, очаге* [11, с. 285], *Жар-птицей пылает сердце не шутя* [11, с. 351], *сердце вспыхнет и взовьется <...> алокрылой жаром-птицею Люблю* [7, с. 140], *сердце станет и несется <...> углем-птицею Люблю* [7, с. 140].

Феникс – мифическая птица, способная сжигать себя на костре и возрождаться из пепла. В образных представлениях разных народов (египтян, евреев, греков, китайцев и др.) птица Феникс является символом обновления. Феникса интерпретируют как символ воскресения и бессмертия (в христианской традиции Феникса рассматривают как символический образ бессмертной души и воскресения Христа), как образ восходящего на утренней заре солнца (символ цикличности восхода и захода), как образ возрождающегося человеческого духа в жизненной борьбе с трудностями [9]. Жар-птица семантически связана с Фениксом и представляет собой его русский вариант. По верованиям славян это огненная птица [18]. Компонент названия птицы раскрывает один из аспектов концепта огня: жар – сильно нагретый горячий воздух. Кроме того, Жар-птицу и Феникса в их описании объединяет красный цвет. Жар-птица имеет по преданию «огненно-красные и золотые перья», а её крылья напоми-

нают языки пламени [19]. Красный цвет отчасти характеризует и Феникса, если прибегнуть к этимологическому анализу этого слова: название Феникса восходит к греческому слову, обозначающему красный (огненный) цвет в связи с легендой о воскресении этой птицы из очищающего пламени [2].

Значение пожара, объединяющее Феникса и Жар-птицу, – наиболее частое символическое изображение любовного стремления (в поэзии огонь означает сильные чувства, желания – *зажечь огонь любви*, жар – пылкость, страстность), именно поэтому Феникс и Жар-птица ассоциируются с сердцем, символом любви.

Вяч. Иванов и С. Городецкий используют названия и Жар-птицы и Феникса, что говорит о сосуществовании в формулах славянской и общемировой мифологических систем. У Вяч. Иванова – *гори ж, истлей на самозданном, о сердце-Феникс, очаге* [11, с. 285], *Жар-птицей пылает сердце не шутя* [11, с. 351]. В последней формуле и формуле С. Городецкого *Сердце вспыхнет и взовьётся <...> алокрылой / Жаром-птицею Люблю* [7, с. 140] Жар-птица называется непосредственно, а Феникс предстаёт в своих функциях: «пылает», «вспыхнет», «взовьётся». Если Жар-птица в славянской мифологии – аналог Феникса, то мы наблюдаем своеобразную тавтологичность образов, столь свойственную народной поэзии.

Обращённость к мифологии как «преданью старины глубокой» стирает границы между фольклором и литературой. Следы древних верований сохраняются в поэзии начала XX века. Мифологический персонаж Жар-птица – символ счастья в русском фольклоре. В формуле *сердце вспыхнет и взовьётся <...> алокрылой жаром-птицею Люблю* употребление субстантивного фразеологизма «Жар-птица» несёт символику счастья. Актуализации значения счастья способствует эпитет Жар-птицы (*алокрылая*), маркирующий ярко-красный цвет, который наряду с народно-поэтическим значением «яркий, светлый» имеет традиционное народное значение «радостный, счастливый». В сочетании с глаголами концепта ОГОНЬ «вспыхнет» и «взовьётся» чувство, испытываемое сердцем, в исследуемой формуле можно определить как радость от всепоглощающей любви.

В формуле сердце уподобляется Жар-птице, обладающей в контексте стихотворения именем собственным, которое представлено глаголом «любить» в первом лице единственного числа. Семантика «любить» (чувствовать глубокую привязанность, сердечную склонность к лицу другого пола) necessarily несёт семантику радости и счастья. Общеизвестно, что любовь – амбивалентное чувство, приносящее не только счастье, но и страдание. В формуле этого же автора *сердце станет и несётся <...> углем-птицею Люблю* эксплицируется значение ущерба, страдания. Одна и та же птица Люблю в стихотворении С. Городецкого «Только раз мне обернёшься...» [7, с. 140] предстаёт в двух ипостасях, коррелирующими со стадиями горения – как жар (горячий воздух, разогретые угли) и как уголь (субстанция, которая может быть горячей и холодной):

Сердце вспыхнет и взовьётся
В сине небо алокрылой
Жаром-птицею Люблю.

Сердце станет и несётся
В недра тёмные могилы
Углем-птицею Люблю.

Мы наблюдаем здесь нисходящую градацию (жар, пламя, душевный подъём – тлеющие угли, движение по наитию, ступор, оцепенение), которая к тому же подкрепляется визуальным представлением (*в сине небо – в недра тёмные могилы*).

Заметим, что семантическое сближение сердца с фантастическими птицами происходит не только благодаря концепту ОГОНЬ, который присутствует в символике сердца и характеризует Феникса и Жар-птицу, но и благодаря свойствам внутреннего мира влюблённого человека: это перемена чувств, смена настроения от воодушевления до отчаяния, самоотречение и самоизменение.

Как видим, обращение поэтов к Фениксу и Жар-птице неслучайно. Кроме того, самосжигание и возрождение из пепла формируют образ кругового движения, популярный в поэзии начала XX века.

На рассмотренных примерах репрезентации концептов СЕРДЦЕ и ПТИЦА мы видим, как разворачивается этническое информационное пространство в поэзии начала XX века. Формула, сближающая концепты СЕРДЦЕ и ПТИЦА, реализацию которой мы наблюдаем в творчестве многих авторов, реконструирует в поэзии устойчивые традиционные представления народа. Образ птицы, соотносимый с образом сердца, в поэзии начала века отражает традиционные ассоциации целой этнической группы, преломлённые через восприятие отдельного автора.

Список литературы

1. Белый А. Крылатая душа: Стихотворения, поэма / А. Белый. – Москва : Летопись, 1998. – 571 с.
2. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман. – Москва : Республика, 1996. – 335 с.
3. Блок А. А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Блок. – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отд-е, 1980. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. – 512 с.
4. Бунин И. А. Тропами потаенными: Стихотворения / И. А. Бунин. – Москва : Издательский дом «Летопись-М», 1999. – 464 с.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 406 с.
6. Гацак В. М. Основы устной эпической поэтики славян (Антитеза «формульной» теории) / В. М. Гацак // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : IX Международный съезд славистов. – Москва : Наука, 1983. – С. 184–196.
7. Городецкий С. Стихотворения и поэмы / С. Городецкий. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отд-е, 1974. – 640 с.
8. Гумилёв Н. Сочинения : в 3 т. / Н. С. Гумилёв. – Москва : Художественная литература, 1991. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – 590 с.
9. Жульен Н. Словарь символов / Н. Жульен. – Челябинск : Урал LTD, 1999. – 512 с.
10. Земцовский И. И. О мелодической «формульности» в русском фольклоре / И. И. Земцовский // Русский фольклор. Этнографические истоки фольклорных явлений. – Ленинград : Наука, Ленинградское отд-е, 1987. – № 24. – С. 117–128.
11. Иванов В. Стихотворения и поэмы / В. Иванов. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отд-е, 1979. – 559 с.
12. Киндеркнехт А. С. Состав поэтических формул с компонентом «сердце» в русской поэзии начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / А.С. Киндеркнехт. – Пермь, 2003. – 190 с.
13. Кузмин М. А. Избранное / М. А. Кузмин. – Санкт-Петербург : ТОО «Диамант», ООО «Золотой век», 1998. – 448 с.
14. Кузьмина Н. А. Культурные знаки поэтического текста / Н. А. Кузьмина // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 1. – С. 74–78.
15. Левинтон Г. А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста / Г. А. Левинтон. – Режим доступа:

<http://teneta.rinet.ru/rus/le/levinton.htm>, свободный (дата обращения: 20.05.2015). – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

16. Лорд А. Б. Сказитель / А. Б. Лорд. – Москва : Восточная литература РАН, 1994. – 269 с.

17. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г. И. Мальцев. – Ленинград : Наука, 1989. – 167 с.

18. Мифология. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.

19. Мифология : энциклопедия. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. – 302 с.

20. Мифы народов мира. – Москва : Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – 671 с.

21. Павлович Н. В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 104–117.

22. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976. – 614 с.

23. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2000. – 336 с.

24. Рошину Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошину. – Москва : Наука, 1974. – 216 с.

25. Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов / О.А. Смирницкая // Древнеанглийская поэзия. – Москва : Наука, 1982. – С. 171–232.

26. Хлебников В. Творения / В. Хлебников. – Москва : Советский писатель, 1987. – 736 с.

27. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 163 с.

28. Цветаева М. И. Сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. – Москва : Художественная литература, 1988. – Т. 1: Стихотворения, 1908–1941; Поэмы; Драматические произведения. – 719 с.

References

1. Belyj A. Krylataja duša: Stihotvorenija, pojema. Moscow, Letopis', 1998. 571 p.

2. Biderman G. Jenciklopedija simbolov. Moscow, Respublika, 1996. 335 p.

3. Blok A. A. Sobranie sochinenij : in 6 vol. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura, 1980. Vol. 1. Stihotvorenija i pojemy. 512 p.

4. Bunin I. A. Tropami potaennymi: Stihotvorenija. Moscow, Publishing House «Letopis'-M», 1999. 464 p.

5. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika. Moscow, Vyssh. shkola, 1989. 406 p.

6. Gacak V. M. Osnovy ustnoj jepicheskoj pojetiki slavjan (Antiteza «formul'noj» teorij) // Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slavjanskih narodov. Moscow, Nauka, 1983, pp. 184–196.

7. Gorodeckij S. Stihotvorenija i pojemy. Leningrad, Sovetskij pisatel', 1974. 640 p.

8. Gumilev N.S. Sochinenija : in 3 vol. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1991. Vol. 1. Stihotvorenija. Pojemy. 590 p.

9. Zhjul'en N. Slovar' simbolov. Cheljabinsk, Ural LTD, 1999. 512 p.

10. Zemcovskij I. I. O melodicheskoj «formul'nosti» v rusском fol'klоре // Russkij fol'klor. Jetnograficheskie istoki fol'klornyh javlenij. Leningrad, Nauka, 1987, № 24, pp. 117–128.

11. Ivanov V. Stihotvorenija i pojemy. Leningrad, Sovetskij pisatel', 1979. 559 p.

12. Kinderknekht A. S. Sostav pojeticheskikh formul s komponentom «serdce» v rusской poezii nachala XX veka. Perm', 2003. 190 p.

13. Kuzmin M. A. Izbrannoe. St.Petersburg, Diamant, Zolotoj vek, 1998. 448 p.

14. Kuz'mina N. A. Kul'turnye znaki pojeticheskogo teksta // Vestnik Omskogo universiteta, 1997, iss. 1, pp. 74–78.
15. Levinton G. A. Leksika slavjanskih jepicheskikh tradicij i problema rekonstrukcii praslavjanskogo teksta. Available at: <http://teneta.rinet.ru/rus/le/levinton.htm>.
16. Lord A. B. Skazitel'. Moscow, Vostochnaja literatura RAN, 1994. 269 p.
17. Mal'cev G. I. Tradicionnye formuly russoj narodnoj neobrjadovoj liriki. Leningrad, Nauka, 1989. 167 p.
18. Mifologija. Bol'shoj jenciklopedicheski slovar' / ed. E. M. Meletinskij. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. 736 p.
19. Mifologija. Moscow, OLMA-PRESS Obrazovanie, 2002. 302 p.
20. Mify narodov mira. Moscow, Rossijskaja jenciklopedija, 1994. Vol. 1. 671 p.
21. Pavlovich N. V. Paradigmy obrazov v russkom pojeticheskom jazyke // Voprosy jazykoznanija, 1991, № 3, pp. 104–117.
22. Potebnja A. A. Jestetika i pojetika. Moscow, Iskusstvo, 1976. 614 p.
23. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Moscow, Labirint, 2000. 336 p.
24. Roshijanu N. Tradicionnye formuly skazki. Moscow, Nauka, 1974. 216 p.
25. Smirnickaja O. A. Pojeticheskoe iskusstvo anglosaksov // Drevneangliskaja poezija. Moscow, Nauka, 1982, pp. 171–232.
26. Hlebnikov V. Tvorenija. Moscow, Sovetski pisatel', 1987. 736 p.
27. Hrolenko A. T. Pojeticheskaja frazeologija russoj narodnoj liricheskoj pesni. Voronezh, Voronezh University Publ., 1981. 163 p.
28. Cvetaeva M. I. Sochinenija : in 2 vol. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1988. Vol. 1: Stihotvorenija, 1908–1941; Pojemy; Dramaticheskie proizvedenija. 719 p.

**ГУМАНИТАРНАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.**

Рецензия на книгу П.Л. Карабущенко «Антропологическая элитология»

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, Астраханский государственный технический университет, 414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru.

**HUMANITARIAN ELITOLOGY:
CURRENT ESTIMATES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT.
Book Review «Anthropological elitology» written by P.L. Karabushenko**

Gainutdinova Ekaterina V., Candidate of Philosophy Sciences, Astrakhan State Technical University, 414025, Russia, Astrakhan, 16 Tatishchev st., e-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru.

Для современной элитологии любое специализированное монографическое исследование представляет повышенный интерес, поскольку данная научная дисциплина всё ещё находится в процессе своего научного строительства и нуждается в подобных фундаментальных основаниях. К числу подобных работ относится монография профессора П.Л. Карабущенко «Антропологическая элитология» [1], в которой автор рассматривает фундаментальные основы гуманитарной элитологической мысли.

Хотя настоящая работа была написана более 15 лет назад, она не утратила своей актуальности и остаётся единственной монографией по данной проблеме. В ней впервые были рассмотрены гуманитарные аспекты элитологической науки, в которой на первое место была поставлена не политическая